

Содержание

Предисловие. *Дмитрий Быков* 5

ПРОЗА

Коммунальный роман 11

Рассказы

Чужая история личной жизни 129

Крыса 148

Сказки для взрослых, впадающих в детство

Сказка-быль 162

Сестрица Анисьюшка, братец Маркелушка

и их злая судьбинушка 163

Сказка про любовь несказанную 166

Сказка про Бабушку-Ягу 170

Последняя любовь 174

Сказка про ум 176

Сказка о хворой девушке 180

Сказка про щуку 185

Сказка про отзывчивого солдата 188

Сказка о пророчестве 191

Январская сказочка 194

Былина-историна	200
Сказка про царевну-лягушку	201
Сказка про рыбака	204
Коврик	205
Чудеса любви	206
Исповедь счастливой жертвы рекламы	207
Старая сказка	210
Сценарий для поздней осени	211
Надежда	266
Последний день Помпеева	329
ПОЭЗИЯ	369

Предисловие

Колтаков был гений и знал это, и все вокруг тоже знали. Природа актерского дара такова, что актеру необходим магнетизм, это важная составляющая профессии, — писатель или музыкант могут им не обладать, а вот актеру необходимо, чтобы при его появлении все на него смотрели. По определению Константина Райкина, тоже наделенного этим магнетизмом в высокой степени, — настоящим актером называется тот, кто сидит в заднем углу сцены, опустив голову, и ничего не делает, пока на авансцене объясняется или целуется роскошная пара, но все смотрят только на него. Вот Колтаков был такой. Когда он входил в комнату, невозможно было никого другого смотреть и слушать. И дело было не в красоте, хотя в молодости Колтаков был действительно очень handsome, по-русски для этого нет точного слова, — эталонная русская мужская красота, русоволосая и синеглазая, таким его можно видеть, например, в довольно слабом фильме 1987 года «Двое на острове слез», где от него буквально глаз не отвести. Дело было в том, что все, связанное с Колтаковым, необыкновенно интересно. Эту интерес-

ность, жгучее желание увидеть, что же сейчас будет, когда в действие вступает этот инопланетный персонаж, — он придавал решительно всему, к чему прикасался. Любой спектакль, где Колтаков выходил на сцену, хотя бы и в эпизоде, любой фильм, где Колтаков мелькал хоть в паре диалогов, — немедленно приобретал масштаб. Десять минут разговора с ним, хотя бы он не говорил ничего особенного (правда, что-нибудь непривычное или неприличное он говорил всегда), превращали ваш день в чудо соприкосновения с другим миром. Колтаков играл всегда, я не представляю себе разговора с ним, в котором он бы не наигрывал, сущность у него была такая, — он мог притворяться капризным, надменным, аристократичным, быдловатым, циничным, святым, даже пьяным (при этом не пьянел никогда, хотя изображал пьяного изумительно): не знаю, где и когда он был собой. С двумя-тремя людьми, может быть, и то не факт.

Будучи лучшим актером поколения, он обладал многими талантами, что вообще-то необычно: гений тем и отличается от таланта, что талант многое умеет хорошо, а гений лучше всех делает что-то одно, а в прочих областях жизни мало на что годится. Колтаков мог сыграть что и кого угодно, — я видел, как он показывает только что вышедшего из комнаты человека, не имитируя его, а становясь им: Смоктуновский, может быть, так умел, а больше никто (кстати, то, как Колтаков показывал Смоктуновского, — было жестоко и страшно точно; вообще при нем часто становилось страшно, потому что ты вдруг понимал, что он не совсем человек, то, что в династии Ефремовых называют «театральное животное»). Но параллельно с этим своим врожденным искусством Колтаков умел рисовать на хорошем профессиональном уровне, пи-

сал стихи и песни, повести, пьесы, сценарии – и это было очень далеко от обычной актерской графомании, иногда качественной, иногда совершенно любительской. У него не было ни одного вкусового провала. Если бы не актерство, он профессионально состоялся бы в любой из этих сфер — песня (авторская или исполнительская), живопись, поэзия, драматургия, режиссура. Эта абсолютная универсальность в искусстве, думаю, компенсировалась у него полным отсутствием того, что называется умением жить. Поэтому он так мало прожил и сравнительно мало сыграл. Ладить с людьми он не умел абсолютно — да, в общем, и не особенно к этому стремился, поскольку это отнимало силы и время. Те, кто знал Колтакова сколько-нибудь глубоко, а не на уровне двух-трех разговоров, — понимали, до какой степени он беспомощен, насколько ему не с кем говорить, насколько у него нет своего режиссера, который понимал бы его возможности и готов был терпеть трудности работы с ним; эти трудности происходили не от капризов, просто ему самому было трудно, он стремился к абсолютной точности и выразительности, а не все готовы были относиться к себе по гамбургскому счету. Что такое был Колтаков в руках настоящего режиссера, он показал в «Соучастниках» Инны Туманян, где его вообще невозможно узнать, такую мучительную операцию он над собой произвел, чтобы сыграть молодого уголовника; Леонид Филатов, его партнер в этой картине, сказал тогда — с некоторой даже профессиональной ревностью, — что ЭТОТ переиграет всех, и действительно не было партнера, который на фоне Колтакова не поблек бы. И с этим тоже не все готовы были мириться.

От Колтакова, слава богу, остались фильмы, но их мало; театральная магия наиболее уязвима, и мы никог-

да больше не увидим его моноспектакля по «Гамлету», и никто уже не даст ему поставить того «Пер Гюнта», которого он мечтал сделать. Но у нас остались многие страницы его повестей, сказок, непоставленных сценариев — и на всем отсвет его ослепительной личности. Внимание, интерес, даже неприятие — неизбежный удел этих текстов, потому что Колтаков был явлением бесконечно притягательным, и желание смотреть на него во все глаза никуда не пропадает. Вообще присутствие гения в жизни — важная ее составляющая, без гениев невыносимо скучно, их ошибки драгоценнее чужой работы, их догадки никогда не бывают дилетантскими, ибо гении откуда-то знают суть вещей, и это срабатывает в любой области искусства или знания. Колтаков своим присутствием делал нас значительнее, и что бы он там ни сказал между делом, что бы ни набросал на листке в свободную минуту, чего бы ни брякнул в раздражении — все это явления исключительные. Поэтому его книгам гарантировано читательское внимание, а зрители, которые так его и не видели, вечно будут по нему тосковать. А коллеги в своей манере будут повторять: «Да, Сережа, конечно, был тот еще персонаж — но великий, ничего не поделаешь».

Теперь-то можно. Теперь-то живой Колтаков уже не мешает ценить великого Колтакова.

Дмитрий Быков

ΠΡΟΖΑ

Коммунальный роман

По прошествии лет все кажется совсем другим, дорогим и умирительным, особенно воспоминания юности или детства. Словно смотришь на тот давний мир сквозь оконную раму, затянутую от мух куском марли. Нет ни резких очертаний, ни бьющей в глаза остроты красок и звуков. Пастельные тона той странной жизни, которой словно бы и не было, рисуют мне сегодня картинки воспоминаний, и я, как в сон, проваливаюсь в ту общекоммунальную жизнь, мир которой был похож на детский калейдоскоп.

* * *

Коммунальное хозяйство нашего дома было безгранично по населенности. Точное количество прописанных знал только домком, а гостей, приходящих друзей, родни и пр. и пр. было невесть сколько. И ограничено по содержанию. Работа и заботы — вот весь круг интересов. Да и любой дом — как муравьиная куча. Утром повскакали, зашуршали, разбежались по своим делам, вечером сбежались для сна. Все было общим или достоянием общества, от сануз-

ла до интимной ночной жизни. Личное, конечно, имелось, но глубоко запрятывалось внутрь. Души не было — ее отвергли вместе с Богом постановлениями того времени, и потому это личное пряталось у кого где. У дяди Шуры, например, пьяницы и шофера директора молокозавода, личное было в печени. Там был цирроз. Его третья жена Зуля рассказывала, что Александр страдает лямблиозом. Это такие червячки, которых он съел с плохо провяленной воблой на обмене опытом по сбраживанию кефира ацидофилином, куда ездил с директором в Азербайджан и откуда привез ее, Зулю, хотя она и русская. Вот эти лямблии и точат бедную печень Александра.

«Это, что ли, глисты?» — уточняла всякий раз баба Люба, ветеран трудового фронта. И разговор заходил в тупик.

12

Зуля подозревала издевательство со стороны ветеранки и, поджав тонкие губочки, шла к себе в комнату, громко хлопала дверью и начинала истерику... А когда после очередного пьяного дебоша Саша пил минералку, а Зуля валокордин, баба Люба громко при всех подытоживала: «Вот видишь, Шура, как тебя глисты-то изводят! И нам нет от них покоя!» А Зуля снова бежала к себе, хлопала дверью и делала истерику.

Все друг за другом подглядывали, подсматривали, подслушивали. Своя жизнь была скудненькая, если вообще была, потому всех так тянуло поглядеть на чужую.

Конечно, выпивающим был не только Сашка-молочный (как его кликали почти все). Ну, если не каждый, то через одного. Даже наш домком с женой. Хотя домком пил тайно и предусмотрительно. Они и вообще были очень колоритные и отдельные особи, хоть и муж с женой. Что их роднило, понять было невозможно. Она была бабой

размеров обескураживающих, особенно груди. Я думал, что там, под платьем, она прячет два глобуса из кабинета географии моей ненавистой школы № 27. И в этих глобусах уместились молочные реки и кисельные берега нашей необъятной Родины. Звали ее Таисия. Отчества у нее не было. То есть было, но его никто не знал, да и имя-то сокращали до Таськи.

Вообще, в те годы к именам относились небрежно. Все больше кликухи. Вот и мужа Таськиного все звали «домком». Был он низкорослый, тщедушный, лысоватенький. Если сказать объективно — урод. Короткие ноги, глазки маленькие, какой-то невзрачный, плюгавый. Из отставных. Сильно-то не выслужился — так и остался сержантского звания. Ходили слухи, что карьеру его сгубили бабы. Он до них был так охоч, что, если бы не это его остервенение, носить бы ему каракулеву папаху. Мужики, изредка видевшие его в общественной бане, куда он любил сходить попариться, наводнили округу слухами о невероятных размерах домкомовского достоинства. Кто-то рассказывал, что банщица, протиравшая пол в предбаннике мужского отделения и увидевшая домкома во всеоружии, уронила швабру и потом стояла долго-долго в полном изумлении. А когда напарившийся домком, прикрывшись венником, вышел в предбанник, тетка подошла к нему и, уточнив, женатый ли он человек, сказала: «Передай жене своей, страстотерпице, низкий земной поклон».

Так что домком (кстати, звали его Панкратий Алексеевич) был окружен ореолом гипервозможности, таинственных полунамеков, томных вздохов, пытливых взглядов и, как вонь от сгоревшей каши на кухне, распространяющейся по всему дому молвы, обрастающей подробностями, деталями и, как всякая тайна, страшными

преувеличениями. Домком становился живой легендой, предметом вождения, культа. Он был олицетворением той страсти, о которой может только мечтать всякая женщина. Некоторые жилицы, совершенно измученные интригой, собственными видениями и представлениями об интимных особенностях Панкратия Алексеевича, не имея сил сдержать сжирающего их любопытства, шли на разные ухищрения, дабы или удостовериться, или разувериться и развенчать молву.

Мужиков тогда было немного. Послевоенные пятидесятые, помимо всех прочих дефицитов, имели, может быть, основной дефицит — мужчин. Поколение будущих самечиков только подрастало, а бабьему царству, и без того исстрадавшемуся по любви за годы войны и разрухи, хотелось всего, что таит в себе союз полов. И не просто хотелось. Страсти пылали, копились, выплескивались. Но чаще бушевали они, наглухо спрятанные в бабьем сердце, в душе, надрывая их особенной болью и мукой, когда, оставшись наедине с собой, бабы особенно остро чувствовали одиночество ночи и выговаривали слова мучительной несправедливости в мокрую от слез подушку. А утро смывало следы бабьей беды и гнало всех в общую кучу, где место личной неустроенности заполняла единая объединяющая всех круговерть. Вот и в нашем коммунальном бараке жизнь текла своим руслом.

* * *

Освободилась комната Фрейлины. Тихая интеллигентка преставилась так же бесшумно и одиноко, как жила. Ее только через три дня хватились, и то потому, что подошла ее очередь мыть коридор и туалет с ванной.

Она вела уборку реже всех, так как пользовалась услугами одна и очень редко. И то... доживите до девяноста семи лет — ни кухня, ни туалетная уже не понадобятся. Так сказал Юрка-губастый, а Таисия сощурилась и ответила: «Это сколько же нам еще ждать, Юрка, до счастливого времени, когда ты по часу преть в сортире не будешь?»

Бабку помянули, хотя и не были с ней на дружеской ноге. Она была из аристократок. Читала до самой смерти, кофе пила и никого не обсуждала. И если при жизни ей это вменяли в вину и все ее недолгобливали и даже орали: «Опять Фрейлиха кофею навоняла!» или «Тихушники интеллигентские — от них вся беда!», то, подвыпив, поминали ее добрыми словами, как никому зла не сделавшую старуху.

Когда выпили уже прилично, оказалось, что Таське она подарила серебряный половник, Губастому два раза давала по десять рублей, но он забыл вернуть, замотался. Из тринадцатой Зайченки брали книжки и тоже чего-то не отдали, тетя Вера получила в подарок на Восьмое марта пуховую шаль, а Люська-сердечница, она за всех переживала, — душегреечку из лисьих шкурок и летний сарафан. Бабы всплакнули и успокоились тем, что бабка пожила хорошо, дай Бог каждому! После пели, но уже было поздно и с верхних и нижних этажей стали бить по батареям и орать в форточки, чтоб заткнулись.

Дня через два в комнату покойницы въехала какая-то ее седьмая вода на киселе. Она была без возраста и, в общем-то, без пола. И если бы не платья, юбки да всегда кроваво-красные на помаженные листочки губ и на месте выбритых природных бровей — черным карандашом выведенные изломанные кривулины, будто